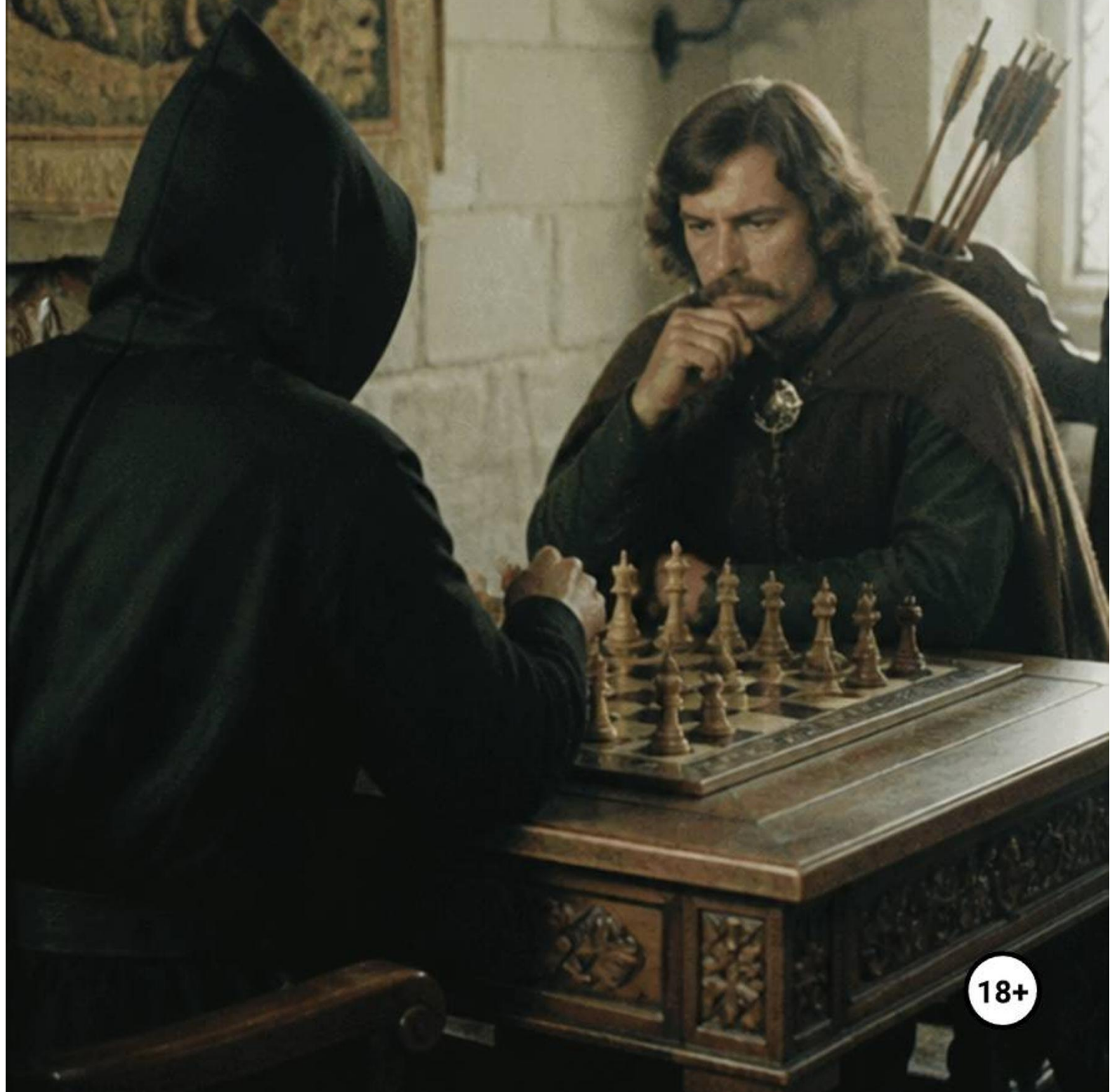

Николай Ткаченко

Хранитель времени

18+

Николай Ткаченко
Хранитель времени

«Автор»

2026

Ткаченко Н. А.

Хранитель времени / Н. А. Ткаченко — «Автор», 2026

Когда туман поглощает тайгу, опытный охотник Андрей и его спутники находят странную избушку из чёрного дерева. Её хозяин — древний Хранитель времени по имени Лесовик — предлагает сделку: чтобы выбраться из ловушки вечности, нужно отдать то, что тяготит душу. Но это лишь начало пути. Освободившись от груза прошлого, герои становятся пешками в смертельной игре настоящего хозяина реальности — Коллекционера, который питается смыслом человеческих жизней. Чтобы уничтожить бога, играющего судьбами миров, троице беглецов предстоит пройти через Лабиринт Отражений: стать актёрами в спектакле «Гамлет», узниками Бастилии и свидетелями эпохи Просвещения. Их единственный шанс на победу — партия в живые шахматы, где ставка выше, чем бессмертие. Проигрыш означает вечное рабство душ, а победа — полное исчезновение самого зла из ткани мироздания. Это история о том, как любовь смертной женщины, раскаяние алхимика-паука и мудрость провидицы-жабы могут переписать сценарий самой Вселенной.

© Ткаченко Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	9
Глава четвертая	10
Глава пятая	12
Глава шестая	14
Глава седьмая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Хранитель времени

Глава первая

Туман опустился на тайгу внезапно, словно сама земля выдохнула густой, сырой пар, поглотивший все вокруг. Еще десять минут назад Виктор, опытный охотник с двадцатилетним стажем, уверенно вел своего молодого напарника Андрея по едва заметной звериной тропе. Но теперь компас в его руках стал бесполезным куском металла, а знакомые вековые ели слились в серую, безликую стену, лишенную всяких ориентиров.

— Витя, мы ходим кругами, — тихо произнес Андрей, поправляя лямку рюкзака. В его голосе, обычно звонком и уверенном, теперь дрожали тревожные нотки, словно струна, натянутая до предела. — Я этот поваленный ствол уже третий раз вижу. И этот мох он как будто насмехается над нами.

Виктор выругался, злобно сплюнув на землю. Этот лес сегодня казался чужим, враждебным. Он словно дышал, и с каждым выдохом тропинки исчезали, а воздух становился плотнее, тяжелее. Казалось, сама тайга решила поиграть с ними, запутать, затянуть в свою непроглядную глубину.

Когда начало смеркаться, и последние лучи солнца, пробиваясь сквозь туман, окрашивали его в ярко-красные оттенки, они вышли к небольшой поляне. Поляна была странной: она не значилась ни на одной карте, а посреди нее, окруженная корявыми, скрюченными березами, стояла избушка.

Она не была похожа на заброшенные охотничьи домики, которые Виктор видел сотни раз. Сруб был сложен из почти черного, окаменелого дерева, без единого гвоздя, а из небольших окон сочился ровный, теплый янтарный свет. От крыши не шел дым, но от самой избы веяло странным, манящим уютом, который, несмотря на всю свою неестественность, успокаивал.

— Постучим, — решил Виктор, хотя рука его непроизвольно сжалась на ремне ружья. Внутри что-то подсказывало, что это не обычная встреча.

Дверь отворилась еще до того, как костяшки пальцев охотника коснулись дерева. Внутри пахло сушеными травами, хвоей и чем-то сладким, напоминающим озон перед сильной грозой — запахом, который одновременно тревожил и притягивал.

За массивным столом, сплетенным из живых корней, сидел старик. Он был худ, как жердь, одет в длинную льняную рубаху. Но самым странным было то, чем он занимался: старик перебирал в руках четки, только вместо бусин на нитке были нанизаны крошечные, идеально гладкие камешки, которые слабо светились изнутри.

— Заплутали, сынки? — голос старика звучал как шелест прошлогодней листвы, но в нем была какая-то древняя сила. Он поднял глаза. Они были совершенно белыми, без зрачков и радужки, но Андрей с ужасом понял, что слепец смотрит прямо ему в душу, видя все его страхи и сомнения.

— Нам бы к реке выйти, — твердо сказал Виктор, стараясь не смотреть на пустые глаза. Он чувствовал, как его привычная уверенность тает под этим незрячим взглядом. — Покажите дорогу, дедушка, и мы уйдем.

Старик мягко улыбнулся, откладывая четки на стол. Его улыбка была странной, немного печальной.

— Реки сегодня здесь нет, охотники. Лес перекроился. Он сегодня не в настроении отпускать чужаков. Я — Хранитель времени. Зовите меня просто Лесовиком, если вам так привычнее.

Виктор нервно усмехнулся, чувствуя, как нарастает раздражение. Он не верил в сказки, в лесовиков и прочую ерунду.

— Хватит морочить голову. Какого времени? Покажи тропу, или мы сами найдем. Мы не дети.

Старик вздохнул, и от этого вздоха стены избышки тихо заскрипели, словно живые существа.

— Силой здесь взять ничего нельзя, охотник. Лес забирает только то, что тяготит. Чтобы найти выход, нужно оставить внутри то, что мешает вам идти налегке. Отдайте свой страх, или свою гордыню, или память. Тогда вы сможете уйти.

Виктор хотел было возразить, выплюнуть очередную грубость в адрес старика и его сказок, но слова застряли в горле. Он посмотрел на свои руки, сжимавшие ружье так, что побелели костяшки пальцев. Гордыня? Страх? Память?

В голове пронеслись образы: жена, подающая на развод после того, как он променял годовщину на сезон; сын, чьего голоса он не слышал уже три года, потому что «был на промысле»; пустая квартира, где эхом отдаются только шаги. Вся его жизнь была погоней за шкурой соболя или лисы, а настоящая добыча — время с близкими — утекала сквозь пальцы, как этот проклятый туман.

— Что значит... оставить память? — хрипло спросил Андрей. Его голос дрожал ещё сильнее. Парень был молод, но Виктор знал, что тот носит в себе старую рану — гибель родителей в аварии, которую он чудом пережил. Эта вина давила на него каждый день.

Лесовик медленно поднялся из-за стола. Он оказался выше, чем казался сидя, и его тень на бревенчатой стене вытянулась до самого потолка, хотя источник света оставался неподвижным.

— Не всю память, — прошелестел старик, делая шаг к ним. Янтарный свет от чёток на столе вдруг стал ярче, пульсируя в такт словам. — Лишь ту, что ест вас изнутри. Тот груз, который вы несёте через тайгу жизни, думая, что это ваша сила. Это ваш якорь. Бросьте его здесь. Освободите место для нового пути.

Он протянул руку ладонью вверх. На ней лежали два небольших холщовых мешочка, перевязанных грубой ниткой.

— Внутри — забвение. Вы забудете то, что терзает вашу душу. Забудете боль предательства, вину выжившего, горечь упущенных лет. Но взамен... взамен вы должны отдать мне своё самое сильное оружие. То, которым вы привыкли защищаться от мира.

Взгляд его слепых белых глаз остановился сначала на Андрее, потом на Викторе.

— Решайте сейчас. Ночь близко, а лес голоден до чужих страданий. Если откажетесь — останетесь бродить по этим тропам вечно, пока ваши кости не станут частью этого мха.

Виктор почувствовал холод, пробежавший по спине. Он глянул на Андрея. В глазах молодого напарника плескался ужас, смешанный с отчаянием и надеждой. Решение нужно было принимать немедленно. Старик терпеливо ждал, и тишина в избышке стала звенящей, оглушающей.

Виктор медленно потянулся к поясу и отстегнул ножны с охотничьим ножом — своим верным спутником, символом своей независимости и силы. Затем он снял с плеча ружье и положил все это у ног Лесовика.

Андрей, поколебавшись секунду, стащил с пальца серебряное кольцо — единственное, что осталось ему от матери, — и тоже опустил его на пол.

Старик кивнул.

— Мудрый выбор, охотники. Берите дары.

Виктор взял свой мешочек. Ткань была тёплой и шершавой на ощупь. Он развязал узелок и заглянул внутрь. Там, в темноте, мерцала крошечная искра света, похожая на пойманную звезду. Искра манила, обещая покой.

Не говоря ни слова, Виктор и Андрей высыпали содержимое мешочков себе на языки. Сладковатый вкус заполнил рот, голова закружилась, и мир вокруг начал таять. Боль, обида,

чувство вины — всё это схлынуло, словно волна во время отлива, оставляя после себя лишь чистую, звенящую пустоту и удивительное ощущение лёгкости.

Когда туман перед глазами рассеялся, они стояли на краю той же поляны. Избушки не было. Только первые лучи рассветного солнца золотили верхушки елей. Компас Виктора снова показывал на север.

— Пойдём, — сказал Виктор, чувствуя непривычную легкость в теле и мыслях. — Нам туда. К реке.

Они пошли вперёд, оставив позади странную поляну. Ни один из них не помнил о ночном разговоре, о Хранителе времени и о цене, уплаченной за спасение. Они просто знали, что теперь им легко дышится, и впереди ждёт ясный путь. А тяжёлый груз прошлого остался навсегда погребён в окаменелом срубе посреди бескрайней тайги.

Но если бы они знали, что это только начало

Глава вторая

Они вышли из тайги к полудню, когда солнце стояло в зените и плавило остатки тумана на камнях. Река блестела впереди, как лезвие ножа. Виктор молча достал сигарету, прикурил и протянул пачку Андрею. Тот взял её с благодарной улыбкой.

Они не обсуждали случившееся. Не было нужды. Обоих переполняла странная, звенящая пустота, которая казалась абсолютным покоем. Тяжесть, годами давившая на плечи Виктора — чувство вины перед сыном, горечь одиночества, глухая злость на весь мир — исчезла. Остался только лес, река и приятная усталость в мышцах. Андрей тоже выглядел обновленным; вечная тень вины за аварию больше не искажала его лицо.

— Нормально сходили? — спросил их Петрович, старый егерь на кордоне, глядя на их помятые лица и пустые рюкзаки.

— Как по маслу, Михалыч, — легко соврал Виктор, даже не моргнув. Он действительно так думал.

— Зверя нет, зато воздух какой!

Жизнь вернулась в привычное русло, но что-то необратимо изменилось. Сначала это были мелочи. Виктор поймал себя на том, что забыл день рождения сына. Просто стерся из памяти. Дата, имя жены... Это казалось неважным. Зачем помнить о боли прошлого, если можно жить настоящим?

Через неделю он получил повестку в суд по делу о разводе. Он долго смотрел на бумагу, пытаясь вспомнить, кто такая «Елена» и почему она требует раздела имущества. Имя ничего ему не говорило. В суде он сидел с абсолютно спокойным лицом, не понимая сути претензий женщины, которую когда-то любил. Судья посмотрел на него с жалостью, приняв за безразличие или запойный ступор. Решение было вынесено заочно.

У Андрея дела обстояли иначе. Его легкость обернулась фатальным легкомыслием. Через месяц после возвращения они снова пошли в тайгу, уже вдвоем, с третьим охотником. Началась метель. Третий, новичок, подвернул ногу.

— Бросаем его здесь, — спокойно сказал Андрей, глядя на стонущего товарища.

— Сам виноват, шел слишком неосторожно. Нам нужно успеть до темноты. — Виктор опешил. Раньше Андрей был самым сердобольным в их бригаде.

— Ты чего? Мы же не звери! — рявкнул Виктор.

— А зачем тратить силы? — пожал плечами Андрей. — Лишний груз. Лес забирает то, что тяготит. Я оставил свое сострадание там, на поляне. Так легче идти.

Виктор связал раненого и потащил его сам, проклиная всё на свете. Но слова Андрея засели у него в голове: «Так легче идти».

Глава третья

Прошло два месяца. Зима сковала тайгу льдом. Виктор сидел один в своей избушке. Легкость, подаренная Лесовиком, начала превращаться в ледяную корку внутри. Память не просто стерлась — она оставила вакуум. И этот вакуум заполнялся чем-то чужим. Иногда, просыпаясь ночью, Виктор слышал не вой ветра, а тихий шепот деревьев прямо под окном. Они звали его по имени.

Он перестал чувствовать холод. Он больше не чувствовал голода. Однажды он попытался вспомнить лицо сына и не смог представить ничего, кроме серого тумана. Паника кольнула сердце, но тут же утонула в той самой звенящей пустоте.

В канун Нового года раздался стук в дверь. На пороге стоял Андрей. Глаза у него были дикие, бегающие.

— Витя, я схожу с ума, — прошептал он, падая на лавку.

— Оно возвращается. Всё возвращается, но кусочками, вперемешку... Я помню вкус её губ, но забываю, как её звали. Помню боль от потери родителей, но не помню само событие. Это сводит с ума! Эта легкость... она высасывает душу. Я пустой, Витя. Я ходячий труп.

Виктор медленно повернулся. В полумраке избушки его глаза казались двумя осколками льда. Он подошел к Андрею и положил руку ему на плечо. Прикосновение было холодным, неживым.

— Нет, брат, — пролепетал Виктор голосом, похожим на шорох сухих листьев. — Ты ошибаешься. Душа — это и есть самое тяжелое бремя. То, что мы оставили там... это была наша человечность. А теперь нам действительно легко. Теперь мы часть леса.

За окном взревел ветер, и туман, спустившийся с сопок, поглотил свет фонаря над крыльцом. Андрей поднял взгляд на своего наставника и увидел, что тот смотрит на него слепыми, белыми глазами Хранителя времени. Улыбка Виктора растянулась слишком широко для человеческого рта.

Дверь избушки захлопнулась сама собой. Тайга ждала новых гостей.

Глава четвертая

Эхо в костях. Андрей закричал. Звук получился жалким, скулящим, словно у щенка, попавшего в капкан. Он отшатнулся от Виктора, споткнулся о лавку и упал на пол, отползая к стене. В избушке резко запахло озоном и прелой листвой — тем самым сладковатым ароматом из проклятой хижины Лесовика.

— Витя! Очнись! Это же я! — голос Андрея сорвался на фальцет.

Виктор (или то существо, что заняло его тело) медленно моргнул. Белесые глаза, лишённые зрачков, сфокусировались на госте. Улыбка на лице охотника дрогнула и начала таять, уступая место привычной угрюмой маске. Черты лица смягчились, кожа перестала казаться пергаментной.

— Андрей? Ты чего орешь как резаный? — голос Виктора снова стал нормальным, человеческим. Глубоким и хриплым после долгого молчания.

Он тряхнул головой, словно сбрасывая наваждение, и потер лицо ладонями. — Дурно мне стало... На секунду будто провалился куда-то. Показалось... что ты смотрел на меня белыми глазами! И говорил голосом этого старика!

Виктор нахмурился, глядя на свои руки так, будто видел их впервые. Затем перевел взгляд на друга. В его глазах читалась не злость, а растерянность. — Я... не помню такого. Но чувствую... пустоту. Огромную дыру внутри. Как будто часть меня вырезали наживо, но боли нет. Только холод.

Они замолчали. Тишину нарушал лишь треск дров в печи да завывание метели за окном. Андрей поднялся с пола, отряхивая куртку. Его била дрожь, но теперь уже не только от страха перед другом, а от пробирающего до костей холода, который шел от самого Виктора.

— Нам нужно вернуться, — твердо сказал Андрей. Виктор горько усмехнулся: — Вернуться? Куда? В ту избушку из черного дерева? Она исчезла. Мы вышли на рассвете, поляна была пустой. Это был сон, Андрюха. Просто коллективный глюк от усталости и кислородного голодания.

— Нет! — Андрей ударил кулаком по столу. Чашки жалобно звякнули. — Я всё помню! Помню четки со светящимися камнями! Помню сделку! Мы отдали ему самое дорогое, чтобы забыть боль. А он забрал больше! Он забрал нас самих!

Внезапно Виктор замер. Он поднял голову и прислушался. Его ноздри раздулись, втягивая воздух. Андрей тоже услышал это. Сквозь вой ветра снаружи пробивался другой звук. Тихий, ритмичный хруст снега под чьими-то тяжелыми шагами. Кто-то шел к избушке, не боясь ни бури, ни диких зверей.

Дверь распахнулась от мощного порыва ветра, впуская клубы морозного пара. На пороге стоял человек. Высокий мужчина в дорогом городском пальто поверх свитера, совершенно неуместном в этой глуши. В руке он держал массивный фонарь, луч которого скользнул по лицам охотников.

Мужчина перешагнул порог, небрежно стряхивая снег с дорожных ботинок. От него пахло одеколоном, деньгами и чем-то еще... чем-то металлическим и тревожным.

— Добрый вечер, господа, — произнес незнакомец с легким акцентом, который невозможно было определить. Голос у него был бархатный, уверенный. — Простите за вторжение без приглашения, но мой джип заглох в пяти километрах отсюда. Связи нет. Надеюсь, вы не откажете путнику в приюте?

Взгляд мужчины быстро обежал скромное убранство избушки и остановился на Викторе. Уголки его губ тронула едва заметная улыбка. Он сделал пару шагов вперед, скидывая шарф.

— Хотя, признаться, я искал здесь не просто тепло. Я ищу старых знакомых. Вы ведь Виктор? А ваш молодой друг, должно быть, Андрей?

Виктор медленно встал во весь рост, заслоняя собой проход ко второй комнате. Его рука непроизвольно дернулась к поясу, где обычно висел нож.

— Мы знакомы?

Незнакомец рассмеялся. Смех был приятным, располагающим, но от него веяло могильным холодом.

— Не лично. Но я знаю о вашей... сделке. Видите ли, я коллекционер. Собираю редкие артефакты. А то, что вы проглотили там, на поляне, — это жемчужина моей коллекции. Крошечные осколки времени, заключающие в себе человеческие души. Или то, что от них осталось.

Он сунул руку во внутренний карман пальто и достал оттуда предмет, заставивший Андрея ахнуть. Это были четки. Нить из жил какого-то животного и камни, пульсирующие мягким янтарным светом. — Лесовик работает на меня, — будничным тоном сообщил гость, перебирая бусины. Камни отзывались на прикосновение тихим гулом. — Он поставщик. А я покупатель. Он очищает товар от лишнего груза — эмоций, привязанностей, совести. Делает его... транспортабельным. И вот я пришел забрать свой груз.

Глаза незнакомца блеснули хищным огнем. — Отдайте мне ваши души, охотники. По хорошему. Так будет менее болезненно, чем если я заберу их силой вместе с вашими жизнями.

Глава пятая

Слова незнакомца упали в тишину избушки, как камень в бездонное озеро. Воздух мгновенно сгустился, стал тяжелым и вязким, словно смола. Пламя в печи за спиной Виктора из ярко-оранжевого превратилось в мертвенно-синее.

Виктор не ответил. Он чувствовал это — пустоту внутри себя больше не заполнял холод. Она начала пульсировать, отзываясь на зов янтарных камней. Его тело, лишенное души, но наполненное лесной магией, само сделало шаг вперед. Это был не осознанный выбор, а инстинкт марионетки, чья нить натянулась до предела.

— Витя, нет! — крик Андрея прорезал пространство, но было поздно.

Незнакомец лишь улыбнулся шире и щелкнул пальцами. Четки в его руке вспыхнули ослепительным светом. Из груди Виктора вырвался беззвучный крик. Туман, который они оставили в тайге, теперь сочился из его глаз, ушей и рта, формируясь в воздухе в полупрозрачный, светящийся силуэт человеческой фигуры. Это была его душа — или то, что от неё осталось: размытый контур, сотканный из боли, забытых слов «прости» и невысказанной любви к сыну.

Коллекционер ловко поймал этот эфемерный комок света свободной рукой и небрежно бросил его в кожаную сумку на плече.

— Один есть, — удовлетворенно хмыкнул он, глядя на обмякшее тело Виктора, которое с тяжелым звуком рухнуло на пол, превратившись в пустой сосуд.

Андрей остался один против этого существа. Паника сковала его по рукам и ногам, но именно она сейчас была его единственным оружием. В отличие от Виктора, Андрей помнил всё. Помнил свою вину, свой страх, свою любовь к матери. И эта память жгла его изнутри каленым железом.

«Лес забирает только то, что тяготит», — прошептал голос Лесовика в его голове. Но Коллекционер пришел забрать всё.

Мужчина перевел взгляд своих мертвых, рыбьих глаз на Андрея и лениво повел плечами: — Теперь ты. Не заставляй меня ждать. Подойди и прими забвение.

И тогда Андрей сделал единственное, что мог. Вместо того чтобы подойти, он упал на колени перед телом Виктора и схватил его ледяную руку.

— Я помню! — закричал он, вкладывая в этот крик всю боль мира. — Я помню всё! Каждую секунду! Я помню её глаза! Я помню его смех!

Это было безумие. Это было самоубийство. Но Андрей решил вернуть долг. Если Лесовик взял их боль, чтобы дать легкость, значит, нужно вернуть эту боль обратно, чтобы вернуть жизнь.

Он прижал ладонь Виктора к своей груди, туда, где бешено колотилось сердце, полное воспоминаний. И произошло невозможное.

Пустота внутри Виктора встретилась с огненным штормом памяти Андрея. Два противоположных заряда столкнулись. Раздался звук, похожий на треск рвущейся реальности. Стены избушки задрожали, бревна начали скрипеть и шевелиться, словно пробуждаясь ото сна.

Янтарные камни в руках Коллекционера дрогнули. Их ровное свечение пошло рябью.

— Что... что вы делаете? — впервые в голосе незваного гостя прозвучал страх. — Остановитесь! Вы нарушаете баланс!

Тело Виктора выгнулось дугой на полу. Из его горла вырвался низкий, утробный рык, смешанный со стоном. Туман, покинувший его, начал замедляться, а затем потянулся обратно. Душа возвращалась в свое вместилище силой воли другого человека.

Окно избушки с грохотом распахнулось. Внутри ворвался не просто ветер — внутрь ворвалась сама Тайга. Ветви корявых берез просунулись сквозь стены, сплетаясь в живую

клетку вокруг Коллекционера. Снаружи раздался рев, от которого кровь стыла в жилах — рев древнего зверя, хозяина этих мест.

— Ты... ты привел чужака в мой дом, — прошелестел голос Лесовика, который звучал одновременно отовсюду: из стен, из пола, из печной трубы. — Ты хотел украсть то, что принадлежит лесу.

Коллекционер попятился к двери, но та захлопнулась прямо перед его носом. Живые корни, похожие на змей, обвили его ноги и руки, пригвоздив к месту.

— Мы заключили сделку! Они были свободны от груза! Они принадлежали мне!

— Сделка была на забвение, а не на смерть, — пророкотал лес. — А ты принес сюда смерть. За это ты заплатишь сполна.

Корни сжались крепче. Янтарные четки выпали из ослабевшей руки пришельца и покатились по полу прямо к Андрею. Камни погасли, став обычными серыми булыжниками.

Когда Виктор наконец открыл глаза, они снова были человеческими — карими, испуганными, но живыми. Он сел, хватая ртом воздух, и посмотрел на Андрея.

— Андрюха... я вспомнил. Я всё вспомнил.

За окном метель стихла так же внезапно, как и началась. Наступила звенящая тишина. Коллекционер исчез. На том месте, где он стоял, осталась лишь горстка праха и дорогие городские ботинки.

Четки лежали на столе, тусклые и безжизненные.

Но когда Андрей поднял их, чтобы выбросить, он заметил кое-что странное. Внутри одного из камней, если посмотреть под определенным углом, билась крошечная черная искра. Искра, которая не принадлежала ни Виктору, ни ему. Искра, которая все еще хотела жить.

Глава шестая

Виктор медленно приходил в себя. Тело казалось чужим, тяжелым, но каждая клетка пульсировала возвращенной жизнью — болью и радостью одновременно. Он помнил всё: холодный взгляд судьбы, пустой стул сына на утреннике, запах духов Елены... Память обрушилась на него ледяной волной, но теперь эта боль была желанной. Она означала, что он всё ещё человек.

Андрей сидел у стола, сжимая в руках погасшие четки. Он смотрел на черный камень с мерцающей внутри искрой так, словно это был ядовитый паук.

— Что нам с этим делать? — хрипло спросил он, не поднимая глаз на Виктора.

Виктор, кряхтя, поднялся на ноги. Голова кружилась, но мысли были пугающе ясными.

— Сжечь. Или закопать так глубоко, чтобы ни одна живая душа не нашла. Это зло нельзя оставлять здесь.

Он взял из печи раскаленный уголек щипцами, намереваясь бросить его на проклятые бусы, но в этот момент снаружи раздался звук. Не вой ветра и не скрип деревьев. Человеческий звук. Жалобный стон.

Охотники переглянулись. В этой глуши, после того как их чуть не выпили досуха две сверхъестественные сущности, появление живого человека казалось невозможным и опасным.

Виктор подошел к окну, отодвинул заиндевевшую занавеску и замер. На поляне перед избушкой, утопая в свежем снегу по колени, стояла девушка.

Она была одета совершенно не по погоде: тонкое темное пальто, которое никак не могло согреть в таежном морозе, легкие ботинки. Длинные черные волосы рассыпались по плечам тяжелыми влажными прядями, хотя снег вокруг неё лежал нетронутым. Но самое невероятное — её лицо.

Оно казалось выточенным из алебаstra: идеально гладкая кожа, высокие скулы, губы цвета спелой вишни. И глаза... Огромные, темные, они смотрели прямо в окно избушки, словно она видела сквозь стены и плотную штору прямо в душу Виктора.

Незнакомка подняла руку и слабо постучала костяшками пальцев друг о друга, издав тот самый жалобный звук.

— Там... там кто-то есть, — прошептал Андрей, подходя ближе. Увидев девушку, он тихо ахнул. — Господи... Какая красавица. И как она выжила в такой одежде?

В Викторе проснулся старый инстинкт охотника и защитника. Кем бы ни была эта гостья — миражом, духом или просто сумасшедшей городской жительницей, бросившей машину, — оставить её замерзать было нельзя.

— Быстро! Растапливай печь сильнее. Ставь чайник. Найди сухое одеяло, — скомандовал он Андрею, хватая свой тулуп и шапку.

Когда он распахнул дверь, порыв холодного воздуха ударил в лицо, но странным образом не коснулся девушки. Снег под её ногами даже не хрустнул, когда Виктор подбежал к ней.

— Эй! Ты меня слышишь? Ты ранена? Давай я помогу тебе дойти до тепла!

Девушка медленно перевела взгляд на него. Её зрачки расширились, проглотив почти всю радужку. На бледных губах появилась легкая, загадочная улыбка. Она не произнесла ни слова, но протянула ему свою узкую ладонь. Рука была обжигающе холодной, но сухой.

Виктор набросил ей на плечи свой тяжелый овчинный тулуп, укутывая хрупкую фигурку, и повел к дому. Девушка шла легко, словно паря над землей, оставляя за собой лишь едва заметные следы, которые тут же заносило поземкой.

Оказавшись в тепле, она не села у печки, как ожидалось, а прошла в центр комнаты. Остановившись, она обвела взглядом убранство избушки, задержалась на секунду на Андрее, который застыл с дымящимся чаем в руках, и снова посмотрела на Виктора. От её красоты

захватывало дух, но в ней было что-то потустороннее — холодное совершенство мраморной статуи.

— Кто ты? Как ты здесь оказалась? — спросил Виктор, закрывая дверь на засов. Девушка молчала. Вместо ответа она сделала шаг вперед и плавным движением сняла тулуп, оставшись в своем тонком платье. Затем она провела рукой по своим мокрым волосам, стряхивая невидимые капли воды.

Её взгляд упал на стол, где всё еще лежали четки Коллекционера. Тот самый черный камень с пульсирующей искрой вдруг вспыхнул ярче, отзываясь на её присутствие.

Девушка повернула голову. Её бездонные глаза встретились со взглядом Виктора. Она открыла рот, и комнату наполнил голос, похожий на перезвон хрустальных колокольчиков и шелест осенней листвы одновременно:

— Вы забрали то, что принадлежит мне. Верните мою искру. И тогда я отпущу ваши души... или заберу их вместе с вашими жизнями. Я — хозяйка этого леса. А вы всего лишь гости, которые слишком долго задержались на пороге моего дома.

Глава седьмая

Андрей смотрел на неё, и мир вокруг перестал существовать. Исчезла тесная избушка с запахом дыма и смолы, исчез растрепанный Виктор со своим ружьём, даже проклятые чётки на столе превратились в размытое пятно. Остались только она и её голос — перезвон хрусталя, смешанный с шёпотом вековых елей.

Её угроза должна была напугать его до дрожи. «Заберу ваши души». Но страха не было. Был лишь благоговейный трепет перед этой неземной красотой и холодной силой. Он видел опасность в её глазах, но эта опасность манила сильнее, чем самый сладкий сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.